

Мищенко Т. А., кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, РФ

Mishchenko T.A., Ph.D., associate professor FGBOU VO Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky"branch of BSU in Novozybkov, Russia

**КАЧЕЛИ, ИЛКА, ПЫЖИ, КАМЕНЬКИ: КАК ИГРАЛИ, РАБОТАЛИ, ВЫЖИВАЛИ «ДЕТИ ВОЙНЫ» В 1941-1943 ГГ.
SWING, ILKA, WADS, STONES: HOW THEY PLAYED, WORKED, SURVIVED THE "CHILDREN OF WAR" IN 1941-1943.**

Исследование на основе устных историй, собранных студентами НФ БГУ, опубликованными воспоминаниями сельских и городских жителей юго-запада Брянщины, которые в детстве и раннем подростковом возрасте пережили период оккупации и освобождение края в 1941–1943 гг. Приводится также несколько эпизодов воспоминаний жителей сел Добрушского района Гомельской области. Автор обращает внимание на контраст поведения захватчиков: большую жестокость при оккупации сел Восточной Беларуси, явную ненависть жителей к немцам. На Брянщине «дети войны» почти не ощутили присутствие немцев, в их рассказах возникают другие нации захватчиков, местные полицаи, власовцы. Различаются воспоминания по месту проживания детей – город или деревня, по возрасту.

Research based on oral stories collected by students of the NF BSU, published memoirs of rural and urban residents of the southwestern Bryansk region, who in childhood and early adolescence survived the period of occupation and liberation of the region in 1941-1943. There are also several episodes of recollections of the residents of the villages of the Dobrush district of the Gomel region. The author draws attention to the contrast in the behavior of the invaders: the great cruelty during the occupation of the villages of Eastern Belarus, the obvious hatred of the inhabitants towards the Germans. In the Bryansk region, the "children of war" almost did not feel the presence of the Germans, in their stories other nations of invaders, local policemen, Vlasovites appear. Memories differ according to the place of residence of children - city or village, age.

Ключевые слова: «дети войны», оккупация, юго-запад Брянщины, Восточная Белоруссия, устные истории.

Keywords: "children of war", occupation, south-west of Bryansk region, Eastern Belarus, oral histories.

Изучение повседневности мирного населения в период Великой Отечественной войны – относительно новая тема исторических исследований. Сложнее изучать то, что не является подвигом, явным проявлением героизма, примером подражания потомкам. Однако достоинство людей, выживание в условиях тотальной войны, сопряженной с беспрецедентной жестокостью к мирному населению, составляет важную часть исторической памяти о трагедии войны.

Ковалев Б. Н. в предисловии к книге «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации» пишет: «Вторая мировая война была трагическим испытанием для многих миллионов людей. Смерть и разрушения, голод и нужда стали элементами повседневной жизни. Особенно тяжело переживалось все это на захваченных врагом территориях. Любой человек хочет жить. Любой человек хочет, чтобы жили его родные и близкие. Но существовать можно по-разному. Есть определенная свобода выбора: можно стать участником движения сопротивления, а кто-то предложит свои услуги иноземному захватчику» [16, с. 5].

Особой категорией населения, пережившей период оккупации в ходе Великой Отечественной войны, являются дети и подростки. Они были наиболее зависимы и уязвимы в условиях войны. Сейчас это пожилые люди, которые много лет прожили в своих родных местах, возродили мирную жизнь в послевоенный период, создали семьи и обеспечили последующим поколениям устойчивый мир, поддержку и развитие. Их воспоминания о военном детстве, представления об окружающем мире: Родине, враге, беде и взаимопомощи, семье и родстве – являются важным историческим источником, формирующим историческую память народа из субъективных позиций носителей памяти.

Регионом исследования, где студентами филиала БГУ в г. Новозыбкове в 2015–2016 гг. записывались устные истории «детей войны», являются пограничные районы России и Беларуси: Добрушский район Гомельской области РБ и Новозыбковский, Климовский, Злынковский районы РФ. Следует отметить, что в основном опрашивались местные жители, однако несколько респондентов перемещалось как в ходе войны в 1941–1943 гг. из другой области (Смоленской) или района современной Брянщины, что позволяет расширить представления о жизненных сценариях «детей войны». Среди опрашиваемых преобладают женщины, что отражает объективную ситуацию с разной продолжительностью жизни пожилых людей в нашей стране и сопредельных государствах. Об основных отличиях мужского и женского образа исторического прошлого в своем методологическом труде «Гендерная теория и историческое знание» написала Н. Л. Пушкарева: «В конечном счёте, исследователи сходятся в том, что память женщин – эмоциональнее и рефлексивнее (иногда со склонностью к морализированию), а мужчин – логичнее, согласованнее, событийнее... «Пространство» женских нарративов населеннее, оно более насыщено живыми людьми со своими страстями и переживаниями, но они зачастую плохо «поименованы» (просто Сонечки, просто Николай Петровичи). Пространство мужчин – более номинированное, там больше конкретных имен с фамилиями, да еще со званиями и социальным статусом, но что это за характеры – подчас догадаться нелегко» [18, с. 307]. Таким образом, в исследовании отражены послеленческие, гендерные и возрастные особенности воспоминаний «детей войны».

Оккупационный режим на территории СССР зачастую соотносят с Генеральным планом «Ост», который был подготовлен по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера, носил теоретический характер, дорабатывался в 1941–1943 гг. и известен в нескольких отрывках, но не в целостном тексте. Это был определенный расчет на «историческую перспективу», в которой славянским народам и другим народам СССР отводилась роль полуграмотных рабов, обслуживавших

арийскую расу.

В ходе установления оккупационного режима административно-территориальное деление было изменено. Многие меры оккупационных властей зависели уже от распоряжений по округам, дистриктам, рейхкомиссариатам. Восточнее Днепра (включая практически всю оккупированную территорию России, значительные регионы Украины и Белоруссии) действовала юрисдикция военной администрации под контролем Верховного командования вермахта.... Другая часть оккупированной территории управлялась гражданской администрацией под руководством имперского министерства по делам оккупированных Восточных территорий во главе с Розенбергом. Эти территории передавались гражданским властям постепенно, по мере продвижения гитлеровских войск на Восток. Их административные границы начали оформляться в августе – сентябре 1941 г. Зона под контролем гражданской администрации была разделена на рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина» [4, с. 45]. Восточная часть Белоруссии вошла в генеральный округ «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд». Юго-западные районы Брянской области, как часть РСФСР, не имели единой гражданской администрации и унифицированного управления. В городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. Вся полнота власти в районах (волостях) принадлежала соответствующим военным комендантам. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях и селах – старосты. Все бывшие советские органы были распущены, общественные организации – запрещены. Порядок в сельских районах обеспечивали полицейские, в крупных населённых пунктах – подразделения СС и охранные части. Кроме утраты государственности, оккупанты руководствовались положением Генерального плана «Ост» об освобождении от местного населения земель Украины и Белоруссии, Прибалтики для переселения 4,5 миллиона немцев. Для этого предполагалось истребить или переселить в Западную Сибирь 75 % населения Белоруссии, 65 % населения Западной Украины [4, с. 48]. Возможно, этими перспективами руководствовалась армия вторжения на территории Восточной Белоруссии, где мы фиксируем в ответах респондентов о появлении врага постоянную и неоправданную жестокость по отношению к местным жителям.

«Немцы знаешь что делали? Немцы шли прямо на город. С ними хороший наш человек, умев гаманёт по-нямецки А я ...кабан был годовик вяликий... осталась дура стяречь. Мужчина тэй: чагой-та ты? Утыкай...знаешь что будут делать? Ён их вёв, усё рассказывав и указывав, а тада все равно застрялили»¹.

«А мой старый [муж пошёл в соседнее село после отступления немцев] дак питав: «Штой-то в вас такое? Ни печи, ничего»...Всё спалили, только четыре дворы остались...а недорослых ловили и на колики садили. А старых полные колодцы понакидывали»².

Примечательно, что женщины из сел Добрушского р-на Гомельской области называют врагов только словом «немцы», а жительницы юго-запада Брянщины упоминают немцев вскользь и останавливаются на других нациях оккупантов. «... Да как, жили, а тогда смотрим – едут немцы на мотоциклах, на машинах, ну заселились. Некоторые, конечно, были в восторге, плохо и плакали, а другие

¹ Записано от Евсеенко М. И., 1920 г.р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

² Записано от Евсеенко М. И., 1920 г.р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

встречали с хлебом, с солью, там один такой был у нас, что его и старостой поставили. Ну такое ж было это время»³.

«...Я не могу сказать, то ли мордвины, то ли французы, черт их знает. ...Я стою, подъезжает машина голубая шикарная и оттуда они по-своему что то говорят. Ну не немцы были. А я же плачу, те поддерживать меня стали: «Не плачь!» Один подошел, меня по головке погладил и дал большую широкую шоколадину, дает мне, а я не беру. А другой подошел и по-русски говорит: «Не плачь, не плачь, бери шоколадку, а где твой папа, где твоя мама?» Я говорю: «Нет у меня ни папы, ни мамы. Он говорит: «А где они?» Я отвечаю: «Не знаю, немцы забрали». Он посмеялся. Ну не немец же был, я их и не видела ни разу»⁴.

В рассказах о других народах среди оккупантов встречаются и истории о «добром человеке на войне»: *«...Какие-то шли поляки. Мы болели и корью, коклюшем и скарлатиной. Одни придут в дом, просят еды. Боялись, что б не заразиться, отказывались и сахарок давали. А другие придут. Им matka плачет, что дети болеют. Всякие же были. Были милосердные, хорошие, а другие придут, дом откроют и тянут заширки matку, требуют все. Она плачет: «Что я? У меня б детей. Нет ничего». Всякие были. А были поляки, придут в дом, вынут из сумки сахарок и в чаек, чаек. Рассказывали, что они приходили к больным детям с лекарством»⁵.*

Иногда человек другой национальности был не просто чужой, он старался сотворить зло, а все вместе дети противостояли беде, заступаясь друг за друга.

«По моим воспоминаниям у нас были по национальности только итальянцы, а один раз ворвался к нам в дом итальянец, а у нас соседская девочка была в гостях звали её Катя, красивая такая и он за ней, а мы с моей сестрой Тасей сцепились за Катю, он уже хотел забрать её с собой, да мы не дали»⁶.

«Сейчас я тебе расскажу, не так немцев, как там модяров завербовывали ещё каких-то, черт их знает. И они заходят и давай там яйца, масло. И пошла Уля там, соседка, в сарай, а их двое. Один стал на дверях, а другой за ней в сарае. Да и давай её хотел изнасиловать. Схватил, а она тоже такая как я, лет десять, она кричать, а этот не пускает. Да она в окно ...»⁷.

Итак, первые впечатления о враге в детских воспоминаниях связаны не только с поименованием – кто эти враги, убежденностью, что они могут забрать детей или их родителей, но и с появлением техники: автомобили, мотоциклы. Многие участники опроса вспоминают, что боялись появления техники на улице своего села и сразу убегали домой. *«Мы боялись машин, их тогда не было, если машина какая-*

³ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

⁴ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁵ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁶ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

⁷ Записано от Ткачу Екатерины Терентьевны, 1929 г. р., д. Садок Климовского района Брянской области.

нибудь едет, так бежали во двор к кому-нибудь»⁸. «18 августа 1941 года мне было 14 лет, в нашу деревню вошли немцы утром, первыми в деревню приехали немецкие мотоциклисты, затем машины и танки. Жители прятались в домах и не выходили на улицу, боялись, что фашисты будут по ним стрелять»⁹.

Жители сел в своих небольших сообществах в период оккупации больше соприкасались с противостоянием местных пособников врагов – полицаяев, также общаются о коллаборационистах – власовцах. Каждая семья опрашиваемых в той или иной степени была связана с партизанами. Их прятали, кормили, переправляли в лес и даже случайно встречали. Дети передают в своих рассказах, как на уровне местного сообщества нужно было решать, как поступить в том или ином случае, чтобы остаться в живых и не подвести взрослых, особенно партизан. В одном из повествований женщина сообщила, что в лесу группа детей случайно встретила партизанских разведчиков, которые их подробно расспрашивали, но, когда часть партизан ушла проверить сведения в село, детей не отпустили и продержали до вечера. *«Сидели-сидели, уже темно, а нас держат, партизаны не пускают домой.*

– Вас целый день там держали?

– Да, потому что думают, вы ж пойдете, расскажете там и не дай Бог, полиция туда нагрянет. Ну, правильно. Этот, что поставили его старостой, так и его ж там двое детей было. И он вскипятился, только сказал, пойду в полицию заявлю, а тут наши родители: «Ты что, детей хочешь погубить?». Не разрешили ему, не пустили. Держали нас до самой темноты, уже солнце зашло. Запрягли тройку и поехали они по своему пути, партизаны куда-то переправлялись и нас посадили. Мы все в плач, думаем, куда же они нас везут. Но они нас довели до конца леса, разворачивают тройку коней и посадили сопровождающих с винтовками и нас до края леса довели и отправили, ну и мы побежали. Нас встречали: «Так и так, где партизаны?», уже уехали, идите, ищите. Вот так и было»¹⁰.

Время оккупации по-разному помнят малыши и подростки. У того, кто был в 1941–1943 гг. ребенком 3–5 лет, постоянно присутствует сюжет вкусной еды, сладкого – как чудеса избавления, радость, иногда коварство врага. *«Пришли с лесу, у нас тогда скамейки стояли и только заходим в хату, а на скамейке, как копеечка, лежит... кто-нибудь положил. Конфета. Я скорее конфету в рот, а мамка у меня забирает изо рта, может, говорит, отраву какую ... Я в слезы, мы же не видели в то время конфет»¹¹.*

«Бежали на улице, гуляли, мама пришла – плачет и папа плачет, а мы стали все пятеро и говорим: «Мам, а что такое?» Она говорит: «Ой, деточки мои, что ж такое, война идет, папку нашего на войну заберут». Я самая меньшая стою, Лени еще не было, Леня родился, когда отступали. А я стою и говорю: «А пускай наш папа идет на войну, так нам принесет много конфет и одежды, обуви, так мы будем не босые бегать, а одеты и обутые». Дурная была. Мат-

⁸ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁹ Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г. р., С.Басихино, Стародубский район Брянской области.

¹⁰ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буда Климовского района Брянской области.

¹¹ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буда Климовского района Брянской области.

*ка как заплачет, все плачут, а я говорю, пускай идет папа на войну за конфетами. Разве я тогда конфет видела? Картошку толченую с маслом*¹².

Со слов Леженниковой Антонины Андреевны, которой на момент начала оккупации было три года, записали: *«Помнит как началась война, она находилась у своей бабушки, после объявления войны и всеобщей паники её с братом посадили на повозку, укутали платками дав с собой пару булок хлеба, и отправили в лес по дороге. Они встретили немцев, которые ехали на мотоциклах с колясками следом за ними. Приехав в лес, она увидела, как мужчины рыли окопы и землянки, жители деревни перегоняли туда скот коров и строили для них хлева. Через какое-то время она сильно заболела, её кормили супом. через какое-то время она выздоровела»*¹³.

Сюжет с едой в воспоминаниях самых маленьких «детей войны» имеет и объективные причины, связанные с «решением продовольственного вопроса» оккупационными властями. Если изначально нацистским идеологам казалось, что можно немедленно пожертвовать миллионами советских граждан и расчислить территорию для немецких поселенцев, то реалии первых месяцев войны показали, что оккупационные власти нуждаются в местном населении: нужен их труд, продукты питания, снабжение армии, администрации и населения городов. Система распределения продуктов на оккупированной территории для местного населения была организована по остаточному принципу (в первую очередь снабжался вермахт, потом германские подданные, фольксдойче, нееврейское население и лишь затем – местные жители) Евреи занимали последнее место в этой иерархии [4, с. 71]. Попытки создать видимость мирной жизни выражались и в открытии начальных школ на данной территории. 10 сентября 1941 г. гауляйтер генерального округа «Белоруссия» В. Кубе издал директиву о «культурном возрождении края». Она предусматривала открытие школ для детей (за исключением еврейских) от 7 до 14 лет. К концу 1942 г. здесь было 3485 школ и прогимназий, в которых обучались почти 350000 учащихся и работали около 10000 педагогов [4, с. 48].

Однако никто из наших респондентов не посещал школу в период оккупации. Многих детей практически не выпускали из дома, а подростки должны были работать. Мы различаем в их воспоминаниях два вида труда: помощь семье и труд по принуждению по распоряжению оккупационных властей. Последнее подростки-девочки вспоминали как мучение и оскорбление. Их отправляли на тяжелые и опасные работы, как взрослых. Зачастую инициатива принадлежала полицаям и старостам.

«Когда началась война, мне было 13 лет.... До войны я окончила четыре класса, а когда уже началась война, когда нас забрали немцы, мы уже выходили работать, нас гоняли чистить шлях. Во время оккупации шлях манюковский считался еще замишевскими... заставляли, гоняли чистить его, чтобы туда и оттуда могли проехать немецкие машины. А зима крепко снежная была, снега было много, и каждое утро полицай ходили по дворам и выгоняли всех чистить

¹² Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

¹³ Записано от Леженниковой Антонины Андреевны, 1938 г. р., с. Старые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области.

дорогу. А горы уже высокие понакидали, что я даже не докидывала до этой кучи»¹⁴.

«Помню, полицаи гоняли всех чистить дорогу трогубом, и, говорят, идите снег чистить, а я не успела за печку спрятаться, сидела возле окна в белом платке, и он заметил, что я на печку, а он зашел и говорит: «слазь.» Я оделась и пошла снег чистить. А что я ростом маленькая, а сугробы большие, я его кидаю, а он обратно. Немец подошел и говорит: «Иди домой.» Я и пошла»¹⁵.

«В зимнее время гоняли на снег... расчищать дороги... все это было бесплатно. В двенадцать годов немцы нас уже считали трудоспособными. Кто не пойдет – полицаи плетками били»¹⁶.

Существенную помощь подростки оказывали своим семьям. Видимо, их проще было отправить заниматься мелкой торговлей, обменом, чем взрослых женщин. Так, одна из респонденток носила продавать самогон итальянцам, другая ходила менять на продукты брошки и заколки. Им было 13–14 лет, как и тем девочкам, что помогали с младшими братьями и сестрами ухаживать за скотом и огородом.

«Когда началась война, мне было 14 лет. На улицу выходить нам нельзя было, а куда выходить, выходили только к соседям. Вот так к бабе пойдём за полпудом муки и тянем. До войны собирались у девчонок соседских на квартире и сидели болтали... Работали мы, на себе таскали плуг, пахали свои огороды. Зато итальянцы жили у нас в школе, а я ходила самогонку продавать туда им, мамка знала, а я ходила продавала...»¹⁷. Мальчик-подросток вспоминал: «...Продуктов не хватало, собирали съедобные травы, грибы, брошенную на полях картошку. В лес по грибы было ходить страшно. Если немцы ловили кого возле леса, сильно били и могли расстрелять, как партизана. На улице мы не играли, немцы запрещали собираться группами. Немцы и полицаи выгоняли жителей деревни рубить лес вдоль железной дороги, чистили ее от снега, забрасывать ямы на дороге землей»¹⁸.

Дети вспоминают об играх, которые были им доступны в период оккупации. Подростки также говорят об играх, но вспоминают, что «это было до войны», «я помню такую игру, но играть было некогда».

«Игры были такие, что уже творили дети на улицах. В илку гуляли – в мяч. Соберется человек 20. Одни стоят мяч забивают. Один подкидывает, другой подбивает – беги на старт. Если попадут мячом в тебя, значит проиграл, теперь ты стоишь сзади, а другие играют в мяч. Только снег сойдет, а мы уже босые в илку играем.

В пыжа. Настругают пыжик из дерева и рисуют лицо, пыж этот кладут

---

¹⁴ Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁵ Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁶ Записано от Алешкиной П.Н. 1929 г. р., с. Новое Место Новозыбковского района.

¹⁷ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁸ Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г. р., С.Басихино, Стародубский район Брянской области.

и отправляют. Если поймает кто пыж – проиграл.

Каменьки. 10 каменьков хороших, специально ждем, что бы дождь прошел. Что бы они блестели. 10 каменьков ложим в руку и палочкой выбивали каменек. Такая игра была. Кукол не было. Один слепой лепил кукол, а мы подражали»¹⁹.

«Когда шла война, мы с подружками играли в игры, но особо так я не нагулялась, так как у меня болела моя младшая сестра Тася. Девчонки прибежали: «Пошли гулять.» А куда я сестру брошу. Так что я особо не видела и не знала, что такое гулять. Помню одну игру, называется она «классы». Это чертишь на земле прямоугольник и делишь его на десять квадратов, берешь баночку какую-нибудь из-под крема и играешь. Баночка между двух черточек и ногой отталкиваешь её, чтобы она не перелетела за черту. И так в каждый квадрат. Если дойдешь до десятого квадрата и банка не перелетит, то значит ты выиграл. Так же до войны играли в «битны»: одна команда с одной стороны, другая – с другой. Мячик резиновый и палка и подкидываешь мяч и отбиваешь его палкой на другую сторону. Если на той стороне поймают значит, мы меняемся и теперь другая команда кидает, а мы должны словить. А если нет то мы продолжаем, и если отобьют мяч все в нашей команде и другая команда не споймает, значит мы победили»²⁰.

Популярным развлечением респондентки называют качели, однако в какое время они могли использовать качели, ведь это уличное развлечение, они точно не припоминают, что соотносит нас с ситуацией «безвременья», часто встречающейся в женских воспоминаниях о войне [См.: 17]. *«Нет, ну раньше что... Качели делали. Ставили эти... Качели. Да. Качались. Ну, ездили молодежь идем в лес, тянем дерево, одно второе, ставим вот эти и делали старшие уже... И нас тогда качали качелях этих»²¹.*

Сравнивая воспоминания «детей войны» из сельской местности и города, можно отметить почти полную информационную изоляцию жителей деревень и сел. Михаилу Степановичу Гумен в 1941 г. было 13 лет, во время оккупации он жил в Паломах (Злынковский район). Описывая это время, он говорит: *«Практически живя в лесу, мы оставались в полном неведении, что будет дальше, так как не было ни радио, ни газет».*

Они могли догадаться о происходящих событиях только по косвенным признакам и слухам: движение войск противника, нервозность полицаев, какие-то работы, на которые сгоняли взрослых и подростков (наведение переправ и т. д.)

«Ну тут матка и говорит: «...раз уже полетели самолеты наши, значит уже, наверное, идет отступление и через неделю она уже пошла в Буду посмотреть дом: целый или нет»²². В данном случае, в почти волшебный объект превращается самолет. «Легенда о самолете» сопровождает несколько собранных нами историй.

«А меня брат двоюродный летчиком был. У нас по Буда было 4 летчика.

¹⁹ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буда Климовского района Брянской области.

²⁰ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

²¹ Записано от Ткачу Екатерины Терентьевны, 1929 г. р., д. Садок Климовского района Брянской области.

²² Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

Ушли из жизни все. А как летали над нами, так низенько опускались и давали громкий рев. Это значило «не бойтесь»²³.

«Мы только сели, слышим – самолеты режут. Мы прячемся, matka плачет: колеса стоят, конь, корова. А что они, не видят что ли? А потом нам соседи сказали, что это русские были, это наши самолеты, не бойтесь»²⁴.

Шендерей Мария Петровна вспоминает, что в их доме жил партизан Попудренко. Партизаны возвращались в деревню, дом начал обстреливать немецкий самолёт, внимание которого, судя по всему, привлекли стоявшие возле дома лошади»²⁵.

В городах оккупанты использовали массовые средства информации для пропаганды. Издавались газеты, печатались листовки, выходили радиопередачи. Люди недоверчиво относились к пропаганде, но все же в условиях города можно было посетить больше мест: рынок, железнодорожный вокзал, церковь – и поговорить о разных полученных известиях. Одна из наших респонденток была насильственно переселена со Смоленщины в Новозыбков. В ее рассказе фигурирует несколько важных событий, которые фоном проходят через бытовой рассказ о злоключениях семьи: *«В 41 или 43, нас подогнали в машины большие, погрузили всех. Что... Да ничего не дали взять, за что только хватились, то и отвезли в деревню. А туда по пути уже как ехать, сгрузили там. Не было куда дальше везти этой машине и что, мы там переночевали в каком-то поселочке. А на завтра подослали большую машину, погрузили, закрыли. Довезли до станции Вжацк, раньше было, сейчас Гагарина. Там посадили нас всех в вагоны в такие товарные, закрыли и до Новозыбкова не открывали. Привезли в Новозыбков. Тогда еще был тут такой, что вон на конях ездить, буржуместр или что. И он подъехал тогда тоже к вокзалу. Ну и сказал: «Идите и ищите себе жилье, где кто найдет». А это ж в войну. И гуляли в еврейские дома. Ну, мы ходили, пошли с мамашей, отец же умер, на фронте был, ну нашли возле первой школы, на Замышевской, первый дом, большой такой. Поселились. Живем. Туда-сюда и явились хозяева, вернулись. Нас выдворили. Пошли опять искать. Нашли на пяти углах где-то, пожили немножко. Оттуда тоже попросили нас. Тогда возле желдор клуба на углу тут Цветная и Ломоносова, там Лермонтова... Там нашли и жили.*

Вот было мне, сколько... 15 ти что... Я работала на железной дороге, и все были на моем иждивении. Карточки ж раньше давали. И вот по карточкам получали уже хлеб. Магазин у нас был рядом, где сейчас это ДК, это был наш магазин... Через дорогу»²⁶.

Как видим, это наличие местных властей, «решение еврейского вопроса» в Новозыбкове и пустующие дома, труд на железной дороге, обеспечение продовольствием работающих городских жителей по карточкам.

Как видим, политика оккупационных властей по отношению к местным жителям была противоречивой. Необходимость в продовольствии из сельской ме-

²³ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

²⁴ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

²⁵ Записано от Шендерей Марии Петровны 1928 г. р., с. Ново-Сергеевка Злынковского района, проживает в г. Новозыбков Брянской области

²⁶ Записано от Рощиной Валентины Ивановны 1928 г. р., г. Новозыбков Брянской области.

стности, дешевой рабочей силе в ходе затянувшейся войны существенно корректировали нацистские планы, судьбы славянских народов. Согласимся с И. Альтманом в том, что «прямая зависимость между Генеральным планом «Ост» и практикой нацистского геноцида на территории СССР представляется несколько упрощенной» [4, с. 48]. Вряд ли изначально планировались зверства нацистов из-за поддержки жителями Брянщины и Белоруссии партизан. Однако уже в 1942 г. стало ясно, что сельская поселенческая структура позволяет партизанам при помощи местных жителей выживать в лесах, получать помощь и добывать нужные сведения. Не случайно две крупные операции – «Цыганский барон» в Орловско-Брянско-Гомельских лесах и операция «Волшебная флейта» в Минске – начались почти одновременно и использовали тактику «выжженной земли» и террора в отношении мирных жителей любого возраста и пола, чтобы прекратить их поддержку партизанского движения и подпольщиков [4, с. 48]. Это мнение подкрепляют подсчёты немецких историков, которые в 2013 году обнародовала Die Welt: в ходе таких масштабных операций, как «Цыганский барон», только 20–30% погибших или взятых в плен действительно были партизанами. Остальные были мирными жителями.

Истреблять сельских жителей могли и по другим причинам. Иногда сельские жители отказывались сдавать хлеб, мясо и другие продукты оккупантам. Такие деревни, как Кожановка, Серовка, Петрятинка не сдали немцам ни одного фунта хлеба и мяса, за это фашистские изверги в июле месяце 1942 г. на глазах всего народа расстреляли из этих двух первых деревень 44 человек и запретили хоронить их в течении трех дней. В рабочем поселке Софиевка фашисты расстреляли 25 человек, якобы подозревавшихся в связи с партизанами, в том числе и 6-месячного ребенка, а после расправы сожгли поселок, оставив людей без крова.

Пережив страшные два года оккупации, «дети войны» как самое яркое событие вспоминают момент освобождения. *«А як их назад гнали... Заступали четыре человека: «Запрягай коня... Только надели хомут, тому волю. а наши четыре военных... хоп за их и повели. А наши ще йдуть, так яна [мать] была рада»²⁷.*

Мария Митрофановна Шеверняева рассказывает очень подробно о дне отступления немцев через деревню Борщовка Добрушского района Гомельской области. Описание строится как рассказ о чудесном спасении всех трех детей, борьбы матери за корову, ранении гранатой брата нашей собеседницы. Так личные переживания связываются с ощущениями войны.

Итак, воспоминания «детей войны» о своем детстве в двухлетний период оккупации юго-запада Брянщины и востока Гомельщины – важный источник истории военной повседневности и истории детства. Не смотря на жестокость врагов, множество реальных опасностей и морального состояния страха, о которых говорят и помнят «дети войны», они проживали это время как свое детство и хранят память об играх с друзьями, самодельных игрушках, радость от спасения своей семьи, встречи с отцом, своего трудового вклада в выживание семьи.

Литература и источники

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений/Под ред. Проф.

---

²⁷ Записано от Евсеенко М.И., 1920 г. р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

А.Г. Асмолова.-М.: Фонд «Холокост»,2002.

2. Ковалев, Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 656 с.

3. Мищенко, Т.А. «Мирная жизнь» в условиях оккупации: специфика женского восприятия / Т. А. Мищенко, О. В. Белугина // Раманаўскія чытанні – XI: Зборник артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі: Магілёў, 26–27 лістапада 2015 г / МДУ імя А.Л. Куляшова. – Магілёў; 2016. – 224 с.

4. Пушкарева, Н. Гендерная теория и историческое знание / Н. Пушкарева. – Спб, 2007. – 496 с.

Протоиерей Носко Михаил, кандидат богословия, настоятель Александро-Невского храма г. Пружаны, благочинный церквей Пружанского округа

Nosko Mikhail, candidate of theology, hegumen, Alexander Nevsky Church, Pruzhany; dean of churches, Pruzhany district.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ РУСЕЦКИЙ (1871–1945): ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ

ARCHPRIEST ALEXY RUSETSKY (1871-1945): LIFE AND MINISTRY

Статья посвящена изучению биографии митрофорного протоиерея Алексия Русецкого, которого можно отнести к числу легендарных пастырей Православной Церкви первой половины XIX века. Соединив в своей жизни приходское служение на белорусской земле в мирное время, а также пастырское служение на полях сражений в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны, он явился свидетелем и активным участником многих событий того времени. Оставил священник заметный след в истории Православия на брестской земле и, особенно, в жизни Свято-Александро-Невских храмов г. Пружаны и г. Кобрин в межвоенное время, проявив себя как ревностный священнослужитель и активный защитник Православия от проводимой государственными властями Второй Речи Посполитой колонизации белорусского края, за что подвергался гонениям.

The article is devoted to the study of the biography of the mitered archpriest Alexy Rusetsky, who can be classified as one of the legendary pastors of the Orthodox Church in the first half of the 19th century. Having combined in his life the parish ministry on Belarusian land in peacetime, as well as pastoral ministry on the battlefields during the World War I and the subsequent Civil War, he was a witness and an active participant in many events of that time. The priest left a noticeable mark in the history of Orthodoxy in the Brest land and, especially, in the life of the St. Alexander Nevsky churches in the cities of Pruzhany and the city of Kobrin in the interwar period, showing himself as a zealous clergyman and an active defender of Orthodoxy from the Polonization of Belarusian region carried out by the state authorities of the Second Rzeczpospolita, for which he was persecuted.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Первая мировая война, Гражданская война, военное духовенство, православный приход, Полесская епархия.

Key words: Russian Orthodox Church, World War I, Civil War, military clergy, Orthodox parish, Polesye eparchy.

Протоиерей Алексей Антонович Русецкий родился 17 марта 1871 г. (по ст. ст.) в с. Мокраны Лунинецкого уезда Минской губернии в семье православного священника. Первоначальное образование он получил в Слуцком пятиклассном духовном училище, а затем в Минской духовной семинарии, после окончания кото-